

воздействия строк, описывающих богатое воображение и предсмертные муки рыбака Платона, цепляющегося за жизнь, обусловлена глубоким психологизмом, умением писателя раскрывать тончайшие нюансы внутреннего мира человека. Все это позволяет говорить о воздействии на творчество Неустроева литературно-художественной школы русской классической литературы.

Художественное мировидение писателей этой поры во многом сходно: они верили в преобразующую силу художественного слова и видели в нем одно из главнейших орудий средств борьбы за новые идеи нового общества.

В целом рассказы русскоязычных писателей начала XX века имеют типологическое сходство с очерками “натурального” направления в русской литературе, существенными чертами которых были социальная тематика, критический пафос, “правда жизни”. Таким

образом, одним из основных путей, по которому шло зарождение, становление и формирование русскоязычной литературы Якутии – это и освоение традиции русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
3. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Избр. тр. – Л., 1979.
4. Канаев Н.П. Из истории русско-якутских литературных связей советского периода. – Якутск: Кн. изд-во, 1973.
5. Михайлова М.Г. Очерки русской литературы Якутии. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995.
6. Тобуроков Н.Н. Истоки зарождения художественной литературы Якутии. Первые литературные памятники. // Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. – Якутск: Акад. наук РС (Я), Ин-т гуманитар. исслед. – Якутск, 2005. – С. 11-40.

УДК 800-899.84 Романская литература

Селиванова А.Д.

Московский государственный
областной университет

РОНДО КАРЛА ОРЛЕАНСКОГО: СИМВОЛ КРУГА И АЛЛЕГОРИЯ ФОРТУНЫ*

Аннотация. Наследник великих риториков, последний классик поэзии Позднего Средневековья, Карл Орлеанский явился искусным мастером аллегории и метафоры. В ёмком, идейно сконцентрированном жанре рондо поэту удалось выразить богатый спектр образов. В статье исследуется формальная и содержательная структуры рондо. Основной предмет статьи – «круговая» композиция жанра, с которой непосредственно связана аллегория Фортуны. В рондо Карла Орлеанского персонафицированный образ Фортуны сравнивается то с колесом судьбы, то с изменчивостью луны. Вынужденное подчинение судьбе или противостояние ей – основная коллизия рондо Карла Орлеанского.

Ключевые слова: Карл Орлеанский, рондо, круг, аллегория, Фортуна.

A. Selivanova
Moscow state regional university
RONDEAU OF CHARLES D'ORLÉANS :
SYMBOL OF THE CIRCLE AND ALLEGORY
OF «FORTUNA»

Abstract. The descendant of the great rhetoricians and the last classic of the poetry of the late middle Ages, Charles d'Orleans was a skillful master of allegory and metaphor. In his adherence to the capacious, conceptually concentrated genre of the Rondeau, the poet was able to express a broad spectre of images. The article presents a study of the structure of the Rondeau in terms of form and content. So the main topic of this work is the “round-type” layout of the genre, which corresponds to an allegory of Fortuna. Charles d'Orleans is a remarkable example when the personified image of Fortuna is compared either with the wheel of fate or with the changeability of the moon. The juxtaposition of compelled submission to fate with resist-

* © Селиванова А.Д.

ance to it form the main focus of the dramatic conflict in Charles d'Orleans' Rondeau.

Key words: Charles d'Orléans, Rondeau, circle, allegory, *Fortuna*.

Рондо относится к твердым формам средневековой лирической поэзии. Возникший в XIII веке, этот жанр, детально разработанный в творчестве предшественника Карла Орлеанского Гийома де Машо, будет менее популярен в XIV веке. Но в творчестве Карла Орлеанского (XV век) рондо станет излюбленным жанром.

Рондо родилось из песни. Вначале оно было тесно связано с музыкой и танцем: вплоть до конца XV века этот жанр считался музыкальной формой. В условиях музыки словесные рифмы могли не соблюдаться. Впоследствии, с отделением музыки от поэзии, обязательным условием стало наличие рифм и рефрена.

Рондо — это стихотворение малого объема, форма которого требует проведения рефрена. Рондо может содержать от 12 до 17 строк, построенных на трех рифмах. Рефрен, содержащий две строки, возникает в начале и конце поэмы, а в четвертой строфе воспроизводится первая строка рефрена. Все это создает замкнутую структуру или своего рода круг. Рондо в переводе с латинского языка (*rondellus*) означает «круглый». В старофранцузском языке мы находим его под словом *rondet* (XIII век), в среднефранцузском — в виде *rondel* (XIV век). За этот период форма рондо претерпевает ряд изменений: рефрен стал вмещать в себя две, три строки (*rondeau tercet*), а иногда четыре (*rondeau double*) и даже пять строк (*rondeau cinquain*).

Рондо основано на идее повтора или «кругового движения». Поэтому особая роль в этом жанре отводилась рефрену — одному из основных формообразующих элементов народного творчества, которым, в первую очередь, была песня.

С начала XV века, рондо приобретает новую форму, которая будет широко использоваться и в более позднее время: отныне рефреном будет служить первое полустипение, которое анафорически повторяется в конце второй и третьей строфы (или куплета); парные рифмы возвращаются на 12 или 15 строке. Именно такую форму мы и находим в рондо Карла Орлеанского.

Даже тогда, когда рондо стал чисто литературным жанром, рефрен не потерял своей значимости. Действительно, оригинальность

и концентричность этого лирического жанра состоит в том, что поэт может акцентировать в многочисленных рефренных повторениях те чувства и настроения, которые он хочет передать.

Кроме рефрена, в рондо немало значим ритм и звуковая окраска стиха: все должно подводить к созданию замысловатого, хитроумного образа, потому что рондо а priori — развлекательный жанр. Поэт, сочинявший рондо, стремился привлечь к себе внимание, развлечь публику.

В начале XVI века рондо — это светский и утонченный жанр, его тематика зачастую была связана с любовью, ее горестями и радостями.

Будущего у этого жанра почти не было. Поэты Плеяды невзлюбили этот жанр, и впоследствии он был возрожден лишь в XVII веке. В конце 1630 года сборники рондо приписываются французским поэтам-драматургам Франсуа ле Метелю де Буароберу, Жоржу Скудери и Винсену Вуатюру. В литературе новейшего времени рондо можно встретить в творчестве Альфреда де Мюссе и Теодора де Банвиля, которые постарались снова ввести эту форму в литературный обиход. Но впоследствии рондо снова будет забыт.

Во второй половине XIX века этот жанр снова обретает популярность. Теперь он именуется *ронделем*. Теодор де Банвиль публикует в 1875 году «Рондели в манере Карла Орлеанского».

Достигаемая за счет рефрена особая «круговая» структура стихотворения символична. Известно, что круг — замкнутое пространство, не имеющее ни начала, ни конца. В контексте аллегорического средневековья подобная идея в стихотворениях многих поэтов выражалась с помощью аллегии Фортуны или, точнее, колеса Фортуны. Крутятся (а колесо — это еще один образ круга), оно всегда представляло загадку: на чем остановится это колесо, что уготовит Фортуна — добро или зло? Таким образом, данная аллегорическая фигура могла носить как положительный, так и отрицательный оттенок. Круговая символика приурочивалась и к календарю, который, будучи циклично организованной системой, предполагал возвращение времен года. Положительную коннотацию имела весна и сопровождающие ее праздники. Зима, с холодом и голодом, — коннотацию отрицательную.

Подтверждение круговой структуры жанра содержится в высказывании Жана Старобински о рондо Карла Орлеанского: «Даже

форма рондо – маленького словесного лабиринта – великолепно показывает извилистый путь затворнического скитания, искание, обреченное на вынужденные возвращения, из-за чего конец повторяет начало. [Создается. – А. С.] неподвижность под видимостью постоянного движения, музыкальное развитие под видимостью повторов. Как будто ничего не изменилось, но родилась меланхолическая поэма» [Starobinski J., 1963, p. 417].

Первая строфа, состоящая из концевых рифм, создает некое замкнутое целое. Вторая строфа, центральная, составляет более подвижную структуру, создается впечатление некоей подвешенности, неопределенности. Наконец, третья строфа словно эхо первой; возвращение к первой строчке рефрена обеспечивает ощущение завершенности произведения. Структура рондо подтверждается повторением определенной рифмической схемы, «кружением по кругу». Финал стихотворения возвращает нас к началу. Форма рондо прекрасно подходила Карлу Орлеанскому для выражения своей грусти (Меланхолии) и закрытости физической или психологической.

Если проследить семантические поля и их взаимодействие в рондо, становится ясна опора Карла Орлеанского на аллегорические фигуры. В рондо Карла Орлеанского аллегорий очень много, но те, что наиболее тесно связаны с символикой круга – это фигуры Молодости и Старости (как жизненного цикла), а также Фортуны. Благодаря наличию таких персонифицированных аллегорий жанр становится еще более динамичным, ибо подчиняется индивидуальному чувству автора.

Изучение семантических полей и лексики рондо не только позволит глубже постигнуть смысл стихотворения, но и подведет ближе к пониманию авторского мировидения, даст необходимую коннотативную и денотативную характеристику средневековому языку поэта.

В аллегорических рондо Карла Орлеанского образ создается разными средствами. Одно из них – это метафора, на которой строится весь тематический материал рондо. Исследователь средневековой литературы Даниэль Пуарьон отмечает наличие персонификаций и различных аллегорий внутри самой метафоры.

Любовь, Фортуна, Надежда, Меланхолия и Забота – вот самые частые «гости» рондо Карла Орлеанского. Мы остановимся на рассмотрении аллегорической фигуры Форту-

ны, ибо она представляется более связанной с символикой круга.

Ещё предшественник Карла Орлеанского Гийом де Машо считал, что Фортуна играет злую шутку с людскими судьбами, уготовливая им ловушки. Так, в рондо 189 Гийом де Машо [Machault G. de, 1849, p. 171] пишет:

*Hélas! Pour ce que Fortune m'est dure,
Ce que plus aim n'a mais cure de my.
Vie m'estuet changier et norriture,
Hélas! Pour ce que Fortune m'est dure,
Et maint samblent mi amy, se ce dure,
Qui me seton haïneus anemy.
Hélas! Pour ce que Fortune m'est dure,
Ce que plus aim n'a mais cure de my.*

*Увы! Хоть бы Удача [Фортуна. – А.С.] длилась,
Ее больше нет, лишь неприятности.
Жизнь и пропитание изменились
Увы! Хоть бы Удача длилась,
А теперь, кажется, мой друг
Стал мне недругом.
Увы! Хоть бы Удача длилась,
Ее больше нет, лишь неприятности.*

В средние века Фортуна могла обладать не только положительной, но и отрицательной коннотацией, ведь для героя всегда остается загадкой, улыбнется ему удача или нет. Часто Фортуна ассоциировалась с колесом. На страницах средневековых книг Фортуна часто изображалась с завязанными глазами. Под колесом, которое она крутила, был раздавлен несчастный, а на его верхушке возвышался счастливчик, *суверен*. Несчастливым или сувереном мог быть каждый, в зависимости от того, как они попадали во власть Фортуны.

В рондо 264 Карл Орлеанский обращается к Фортуне как к хозяйке судьбы, которая по-прежнему преподносит ему одни несчастья. Из-за власти, которой она обладает, поэт воспринимает эти «дары» как обвинения:

*Fortune, passez ma requeste,
Quant assez m'aurez tort porté!
Ung peu je soye deporté,
Que Desespoir ne me conqueste!*

*Одобрите мою просьбу, Фортуна,
Я сит по горло вашими обвинениями!
Я хотел бы немного отвлечься,
Чтобы не овладело мной отчаяние.*

Как неблагоприятный персонаж Фортуна появляется двадцать девять раз в рондо Карла и является одной из ключевых персонификаций его поэзии. В рондо 135 [Orléans Ch. de, 1992, p. 480] есть строки, подтверждающие негативное отношение Фортуны к поэту:

*Je ne suis pas de ces gens-là
A qui Fortune plaît et rit ;*

*Я не из тех, кому везет,
Кому Фортуна угождает.*

В объеме небольшой статьи не представляется возможным рассмотреть все двадцать девять случаев употребления фигуры Фортуны. Поэтому мы остановимся на пяти наиболее ярких рондо, в которых аллегория Фортуны звучит в формообразующем элементе жанра – рефрене.

Власть капризной Фортуны зачастую ассоциировалась с ночным миром а точнее – с изменчивой луной. Именно благодаря подобной трактовке Фортуны, можно всесторонне воспринять идею стихотворения.

Итак, фортуна сравнивается с хозяйкой судьбы и с луной, непостоянным круглым ночным светилом, диктующим календарные фазы. Изменчивость – общая черта обеих метафор. С одной стороны, колесо Фортуны соответствует эволюции, а значит, смене событий в судьбе. С другой стороны, луна, непостоянная, предполагающая перемены, цикличная по своей природе. Колесо также циклично, так как является круговой замкнутой фигурой.

В рондо 265 [Orléans Ch. de, 1992, p. 616] Карл делает прямое сравнение Фортуны с луной:

*De quoy vous sert cela, Fourtune ?
Voz propos sont puis longs, puis cours ;
Une foiz estes en decours,
L'autre plaine comme la lune.*

*On ne vous treuve jamais une ;
<...>
S'est vostre manière commune,
Car, quant je vous requier secours,*

*Vous fuyez ; après vous je cours,
Et pitié n'a en vous aucune,
De quoy vous sert cela, Fourtune ?
Зачем вам это, Фортуна?*

*Ваши речи ни продолжительны, ни коротки;
То вы ущербны,*

То вы полная, как луна.

*Вы всегда разная в наших глазах;
<...>*

*Таково ваше обычное поведение,
Ведь, когда я зову вас на помощь,
Вы убегаете; я же бегу за вами,
Но вы безжалостны.
Зачем вам это, Фортуна?*

В 170 рондо [Orléans Ch. de, 1992, p. 516] Карл Орлеанский, проводя очередное сравнение Фортуны с луной, свидетельствует, что богиня судьбы относится к нему постоянно отрицательно. Любопытно то, что присущую Фортуне изменчивость поэт трактует по отношению к себе не как положительное или отрицательное влияние на свою судьбу, но как степень исключительно негативного воздействия, претерпевающего различные фазы, подобно луне. Так, зарождение влияния Фортуны действует в молодости поэта, а убывание – в его старости.

*Comme le subgiet de Fortune
Que j'ay esté en ma jenesse,
Encores le suis en viellesse :
Vers moy la treuve tousjours une.*

*Ie suis ung de seulx soubz la lune
Qu'elle plus a son vouloir dresse*

*Comme le subgiet de Fortune
Que j'ay esté en ma jenesse.*

*Я был объектом Фортуны
Еще в молодости.
И таковым же являюсь в старости:
Со мной она не изменилась.*

*Я один из тех, что под влиянием луны,
Мною она [Фортуна. – А. С.] управляет по своей воле,
Я был объектом Фортуны
Еще в молодости.*

Помимо ощущения подчиненности Фортуне, Карл Орлеанский иногда старается на неё воздействовать, прогнать, проявив силу воли. Так, в рондо 261 [Orléans Ch. de, 1992, p. 612], поэт пытается утвердить себя, споря «на равных» с богиней судьбы. Он старается

противостоять ей и отказывается принимать ее условия, понимая, что с собой она несет лишь тревогу и жестокие новости, а это, по мнению Карла, является плохим вознаграждением.

*Fortune, sont ce de voz dons,
Engoisses que vous aportés ?
A present vous en deportés ;
Ce sont trop douloureux guerdons.*

*D'entrer ceans vous deffendons ;
Dures nouvelles rapportés,
Fortune, sont ce de voz dons,
Engoisses que vous aportés ?*

*Фортуна, среди своих даров
Несете ли вы Тревогу?
Сейчас вы лишь радуетесь этому;
Это плохие вознаграждения.*

*Мы вам запрещаем входить сюда;
Вы несете жестокие новости,
Фортуна, среди своих даров
Несете ли вы Тревогу?*

Символика Фортуны в рондо Карла Орлеанского не случайно ассоциируется с фигурами круга, колеса, луны. И не случайны эти ассоциации в самом жанре рондо, подразумевающим круговую структуру. Уходящий в древность, символ языческой богини судьбы

был достаточно популярен в Средневековье. Изменчивость, непостоянство и случайность, присущие ей – все это выразил Карл Орлеанский в своих рондо.

Простота и скромность синтаксических структур в рондо, их живость и оригинальность, достигнутые с помощью персонификаций и метафор, – такова мозаика этого жанра, драгоценного камня, оттачиваемого поэтом-ювелиром Карлом Орлеанским на закате Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амбелен Р. Драмы и секреты истории. – М.: Прогресс-Академия, 1993.
2. Васильева Г. Культура средних веков и Эпохи Возрождения. Науч.-метод. рекомендации. – Новосибирск: НГПИ, 1992.
3. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья – М.: Наука, 1988.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.
5. Champion P. Charles d'Orléans, joueur d'échecs – Paris: H. Champion, 1908.
6. Machault G. de. Les œuvres – Reims, Paris : Techner libraire, 1849.
7. Orléans Ch. de. Ballades et rondeaux. Edition du manuscrit 25458 du fonds français de la Bibliothèque Nationale de Paris, traduction, présentations et notes de J.-Cl. Mühlethaler – Paris : Lettres gothiques, 1992.
8. Poirion D. La littérature française : Le Moyen Age II. 1300-1380. – Paris : Arthaud, 1970.
9. Starobinski, J. L'Encre de la Mélancolie // Nouvelle Revue française, n° 123, mars 1963, Paris. P. 417.

УДК 82.0

Созина Е.М.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

«СКИФСКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА *

Аннотация. Автор анализирует ряд стихотворений ведущих представителей основных литературных течений поэзии Серебряного века и показывает, как скифская тема развивалась в рамках символизма, акмеизма и футуризма, какими философско-эстетическими причинами обусловлен переход в

трактовке скифства как исторического факта к воспеванию скифов как феномена духа, завершившийся возникновением литературной группировки «Скифы» (1917 г.). Исследователь приходит к выводу о существовании в русской литературе т.н. «скифского текста» и указывает на его определяющими признаки и надэстетическую природу.

* © Созина Е.М.